

Совсем недавно "Бриллиантовой руке" стукнуло 30. Для человека вроде еще не возраст, но для художественного фильма, можно сказать, — глубокая старость. А он как был лидером проката, когда в 1969 году только вышел на экраны, так и остается поныне. К столетию кино РТВ проводило опрос телезрителей, и "Бриллиантовая рука" опять оказалась на первом месте, получив звание "лучшей отечественной комедии". Когда на экране в очередной

Продолжению "Шербурских зонтиков" помешал ЦК

Как странно, что сценаристы, создавшие лучшие наши комедии, оказались почти забытыми и журналистами, и государством. Никогда — ни вместе, ни по отдельности — они не получали наград от государства, только премии за границей. Даже мода награждать старые

о полнометражном фильме. А "тройка" — Вицин, Моргунов и Никулин — уже к тому времени у Гайдая существовала. Так что "тройка" органично влилась в наши следующие картины.

— Почему все-таки Леонид Иович отказался продолжать истории с "тройкой". Ведь это была настоящая золотая жила?

— До сих пор не могу сказать, прав он был или нет. С моей точки зрения, потенциал их абсолютно не был исчерпан. Так же, как и наш. Не режут курицу, которая несет золотые яйца, но Гайдай был категоричен. Задолго еще до "Бриллиантовой руки" мы

ОДНА ТРЕТЬ АВТОРА "БРИЛЛИАНТОВОЙ РУКИ" "Мемуаризмы" Якова Костюковского

раз появляется гражданин Горбунков, отлипнуть от него уже невозможно, хотя все реплики знаешь наизусть. Что за феномен удалось создать авторам? Загадка. То же самое можно сказать и о "Кавказской пленнице", и об "Операции «Ы»". Все эти картины отличает один почерк не только талантливого режиссера, но и двух талантливых сценаристов.

Когда Яков Костюковский оставляет свой автограф кому-нибудь на память, он так и подписывается: "От одной трети автора". Потому что все эти сценарии они писали втроем — Леонид Гайдай, Морис Слободской и Яков Костюковский. Двоих из них уже нет:

— Как жаль, что они так рано ушли, — говорит Яков Костюковский, — это очень несправедливо, но я понимаю Бога, если он, конечно, существует. Ему там тоже нужны интересные собеседники...

Кадры решают все

Слободской с Костюковским знали друг друга еще с войны. До встречи с Гайдаем они уже имели большой творческий опыт как драматурги, писатели, сатирики. И в кино они работали не только с Гайдаем, но их лучшие фильмы, равно как и гайдаевские, получились почему-то именно в содружестве этого трио. Сейчас Яков Аронович пишет книгу под названием "Мемуаризмы", где, наверное, попытается объяснить феномен этого содружества. Пишет по-прежнему на той же машинке и в той же комнате, где они работали со Слободским и Гайдаем:

— Двое — вот здесь, на диване, один — за машинкой, — вспоминает драматург. — Причем режиссер у нас каждый день являлся на работу. Обычно упоминание режиссера в титрах как сценариста — это своеобразная форма взятки. Нет, Леонид Гайдай был полноправным сценаристом. Мы обсуждали интригу, мизансцены, сюжеты, текст. Другой вопрос, когда дело касалось фраз — тут уж он целиком полагался на нас, говорил: "Покороче, главное в кино — кадры". Мы смеялись: Сталин говорил "кадры решают все" — и Гайдай. Благородный был человек... Когда к 70-летию он давал интервью, ему сказали: "Вот ваши знаменитые фразы...", он сказал: "Фразы — это Костюковский со Слободским". Не каждый режиссер себе это позволит...

...Замечательное было время... Вообще люди моего возраста всегда говорят, что в прошлом все было лучше. И солнце было лучше, и девушки. Я не сторонник этого. Но по отношению к моей работе получилось именно так. Сначала не стало Слободского, потом Гайдая, а потом кинематографа. Меня продолжали приглашать, помнили как драматурга и комедиографа, а мне было трудно им объяснить, что у меня нет режиссера, у меня нет запала и я не очень понимаю, что происходит в кинематографе. Я всю жизнь думал, что, когда людям тяжело, лучше всего попытаться их рассмешить. А сейчас людям тяжело, а кинематограф старается еще усугубить. Кинематограф — такая вещь, которая не только от меня зависит, а скорее всего от меня — сценариста — в наименьшей степени. И я понял, что единственное, что я могу делать индивидуально, — это водить перышком по бумаге. В данном случае — писать воспоминания. Если же что-нибудь изменится и сил хватит, то у меня есть и другие планы, но все-таки я убежден в одном. Кинематограф — это искусство молодых.

— Почему? У них же нет опыта. Разве с возрастом люди не оттачивают свое мастерство?

— Кинематограф требует, конечно, и опыта, и мастерства, и прочего, но прежде всего — какого-то "завода", энтузиазма, остроты, которая есть у молодых. Работа и днем, и ночью, то пересять, это переделывать... Он требует все и физической формы, чтобы этим всем заниматься. Я пришел в кино в 56-м году тоже уже не мальчиком, но я видел эту атмосферу горящих глаз, этого энтузиазма, мимолетных романов, свойственную только кино... Но что интересно, правда, это и грустно: даже очень крупные режиссеры, преодолев какой-то возрастной барьер, уже работают хуже. Я редко стал ходить в Дом кино на премьеры, потому что очень не хочется врать. Прятаться тоже не хочется, а огорчать — тем более. Поэтому лучше в таких случаях гордо сказать: "А я не видел!"

— Коллеги ценят ваше мнение?

— Не скрою, есть режиссеры, которые советуются со мной, особенно если пытаются делать комедии, есть даже молодые. Иногда просят почитать сценарии, а иногда — расставить "смехоточки", "починить" диалоги. Я это делаю не то чтобы охотно, но, во всяком случае, не без интереса. Это единственное, что связывает меня сейчас с кинематографом.

фильмы не коснулась Якова Костюковского. Ибрагимбекову, например, спустя 25 лет все же вручили премию за сценарий "Белого солнца пустыни". Про "Бриллиантовую руку" и "Кавказскую пленницу" никто не вспомнил.

— Почему Гайдай после "Бриллиантовой руки" больше не приглашал вас работать с ним?

— Нет, он нас очень приглашал, но он потом перешел на экранизации. Снял Булгакова, Зощенко, Гоголя, а мы продолжали работать над оригинальными сценариями. Мы таких успехов, как с Гайдаем, естественно, не достигли, хотя были фильмы, которые до сих пор живут. То на экране, то на телевидении они все-таки появляются. Тот же "Штрафной удар" или "Неисправимый лгун"... К нам когда-то приезжал знаменитый французский режиссер Жак Деми, который снял "Шербурские зонтики". Он предложил нам с Морисом сделать сценарий к музыкальному фильму. Ему нравилась восточная экзотика, мы вместе ездили в Среднюю Азию. Подобрали очень интересный материал. Но потом, естественно, Центральному Комитету партии не понравилась идея создания такого фильма, и ничего не вышло, но не в этом дело. Я-то думал, что он видел гайдаевские фильмы, и поэтому решил иметь с нами дело. А оказалось, что он их не видел, зато видел "Неисправимого лгуна". И "Соло для слона с оркестром", который потом купило несколько десятков стран.

Как Бернес "Иван Васильевич" помог снять

Когда пути режиссера и сценаристов разошлись и Гайдай начал снимать экранизации, получилось так, что одну из них, пожалуй, самую удачную, Леонид Иович снял опять же не без помощи Костюковского. Яков Аронович был знаком с Еленой Сергеевной, женой Булгакова. И однажды взял у нее запрещенную пьесу Булгакова "Иван Васильевич" с целью опубликовать в альманахе "Смех — дело серьезное", который он "затеял" с коллегами-сатириками:

— Я думал, что прошло много лет и Советская власть забыла, что пьеса запрещена. И сильно ошибся. Мы ее даже "набрали", естественно, кто-то настучал, и пришлось ее из готового набора "вынимать". Настроение у меня было жуткое, и я поехал к Елене Сергеевне отвозить рукопись. Она жила у Никитских ворот. И вот что значит "царь-случай"! Мы договорились встретиться с Марком Бернесом. Он мне говорит: "Подожди меня. Я тебя отвезу, только мне нужно зайти на минутку в Театр киноактера". Напротив. Заходим. Руководитель театра сразу: "Что, пьесу принесли?" — "Пьесу, — говорю, — только поставить ее нельзя. Она запрещена". — "Это, — говорит, — у нас запрещено", а у нас свое начальство, своя цензура... И завертелся спектакль. А тогда Театр киноактера был как бы при "Мосфильме", Гайдай, конечно, посмотрел пьесу. В результате она не была напечатана, но была поставлена и потом экранизирована.

Если бы не Пырьев

"Царь-случай", по выражению Якова Ароновича, все-таки царствует не всегда. Например, вовсе не он свел драматургов с Гайдаем, а не кто иной, как Иван Александрович Пырьев.

— Он сказал нам: "У меня есть для вас режиссер. Присмотритесь, начните с короткометражек". И мы начали действительно с короткометражек, поскольку "Операция «Ы»" и состоит из трех новелл. Только когда выяснилось, что есть возможность создать одного общего героя и он может самостоятельно существовать в каждой из них, тогда уже возник разговор

планировали развить сюжет, как "тройка" отправляется в исправительно-трудовой лагерь. Там было много забавного. Но он нам даже думать об этом запретил. Он всегда хотел быть новым, неожиданным.

Не случай их свел, и не случай развел. После "Бриллиантовой руки" Гайдай, правда, предлагал им вместе взяться за "12 стульев". Авторы предложили перенести действие в наши дни. Но руководство не разрешило.

— Вы дружили с Гайдаем до конца его жизни?

— Я не могу сказать, что мы дружили. Это было бы слишком. Наша дружба строилась на работе. Но потом мы продолжали близко общаться еще и потому, что мы соседи. Его окна напротив.

Комедия — дело грубое

— Почему вы избрали своей профессией юмор? У вас была легкая, веселая жизнь?

— Как ни странно, большинство сатириков — это люди трудной судьбы. Веселые люди — это рассказчики анекдотов. Почему-то считается, меня это бесит, что остроумный человек — это тот, который знает массу анекдотов. Но это ведь свойство не ума, а памяти. А остроумные люди — те, которые шутят по поводу того, что было две минуты назад. Я, кстати, в "Мемуаризмах" часто вспоминаю великих остроумцев Эмилия Кроткого, Михаила Светлова, которые тоже не были людьми благополучной судьбы. Потому что Россия такая страна, где сатиру не любят, и часто благополучие человека, и моральное, и материальное, зависело от цензуры, от ЦК, от МК. Ведь ни один наш фильм благополучно никогда не проходил. Всегда мы воевали, нас запрещали, закрывали. Каждый раз с приключениями. Иногда даже с анекдотическими историями. Для "Кавказской пленницы", я помню, мы очень долго искали фамилию для персонажа Этуша — Ахов, Охов. И вдруг Гайдай говорит: "Саахов". Ну, нейтральная кавказская фамилия. А потом выяснилось, мы этого, естественно, знать не могли, что это фамилия секретаря парткома "Мосфильма". Возник скандал. Вступилась Фурцева...

— А если вернуться к "тройке", например, Вицин, Никулин — разве не жизнерадостные, веселые люди?

— Вовсе нет. Как ни парадоксально, самым веселым человеком в этой "тройке" был Моргунов. И Никулин не был особенно жизнерадостным человеком, это в последние годы он стал рассказчиком анекдотов. А вот от общения с Моргуновым съемочная группа получала удовольствие. Однажды он приехал в Подольск и ему дали плохой номер в гостинице. Он поднял дикий крик, что он сын зверски замученного кулаками Павлика Морозова! Там все испугались и дали номер, а потом сообразили, что у Павлика Морозова не могло быть детей.

Наташа ЖУРАВЛЕВА.

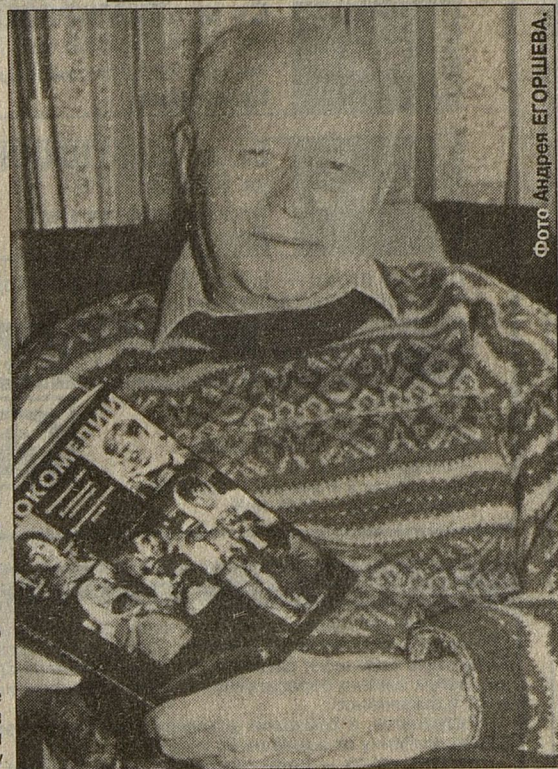

Фото Андрея ЕГОРШЕВА.

Может, комсомолец — 1999 — 18 февр. — с. 3

65